

**ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК «ПОСЛУШНОГО
СУДЬБА ВЕДЁТ, А УПРЯМОГО ТАЩИТ»
ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ ИСТОРИИ
ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОМОРСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ**

Марк Шахнович – удивительный человек. Уникальность его – в способности появляться вовремя. Более четырёх лет моей жизни прошло в состоянии так сказать «головы не поднять» от работы над рукописью о фундаментальном вопросе культурной антропологии: «Зарождение неадаптивного поведения в первобытности». И вот стоило отправить рукопись на отзыв научному консультанту, как пришло сообщение от Марка. Он предложил мне поделиться воспоминаниями об изучении карельских петроглифов. В связи с этим отмечу, что объёмный текст моей кандидатской диссертации 2002 г.¹ с многочисленными иллюстрациями доступен всем в электронном виде на сайте Российской Государственной Библиотеки по запросу: Фараджев А.А. «Петроглифы Карелии».

В данном случае может быть уместно напомнить формализованный результат четырнадцати лет исследований, автохтонной традиции создания наскальных изображений Онежского озера и низовий реки Выг, в районе Беломорска, в эпохи неолита и энеолита².

Каждый этап, уровень и характер встроенности в неизменные инварианты скальной поверхности подробно описаны в тексте диссертации. Более того, в любое время, кроме снежной зимы, пожалуй, все свидетельства доступны для проверки в полевых условиях.

Сколько я себя помню, первобытное творчество – моя страсть. О захватывающих приключениях первобытных охотников я узнал в третьем классе школы из знаменитого художественного фильма «Миллион лет до новой эры» британского режиссёра Дона Чаффи. Широкоформатная кинофантазия очаровала меня. Сейчас трудно сказать, сколько раз я посмотрел этот фильм. Далее было знакомство с отечественными и зарубежными художественными книгами. До сих пор помню манящие запахи огромных книжных стеллажей в детской библиотеке им. Агнии Барто, на юго-западе Москвы.

Ещё через несколько лет я приступил к строительству «машины времени». И хотя, насколько я помню, для завершения постройки не хватило то ли гвоздей, то ли досок от ящиков, я и сейчас успешно на ней путешествую виртуально. Значительно позже, в 2010 г., самой дорогой научной наградой была публикация двух текстовых абзацев моих дополнений текстов о первобытном искусстве в свободной интернет-энциклопедии «Википедия».

Работа с петроглифами Карелии началась с неожиданного бесценного подарка от известного археолога и очень доброго человека – Юрия Юрьевича Моргунова в 1984 г. Это была книга знаменитого исследователя древнего искусства Александра Александровича Формозова «Очерки по первобытному искусству», изданная в 1969 г.³ Из неё я впервые узнал о «...полюемике, развернувшейся вокруг карельских петроглифов» и о столкновении нескольких мнений. Тогда же я впервые поехал в Петрозаводск, чтобы попасть на Бесов Нос, чтобы увидеть наскальные изображения своими глазами и закономерно влюбился в них с первого взгляда. Поскольку я работал в Институте археологии АН СССР, возникшие вопросы удалось задать непосредственно А.А. Формозову.

В 1985 г. в институт по культурному обмену приехал известный английский археолог из Саутгемптского университета, автор монографии о первобытном искусстве Питер Укко с женой Джейн. Дирекция института поручила мне сопровождать важных гостей в качестве переводчика, поскольку я владел разговорным английским языком. Об этом престижном задании очень быстро стало известно всем сотрудникам института.

Вскоре после этого, в 1986 г., Александр Александрович Формозов неожиданно предложил мне принять участие вместо него в Международном конгрессе по изучению наскального искусства в городе Дарвине, на севере Австралии в 1988 г. Из его именного приглашения следовало, что принимающая сторона брала на себя все расходы по поездке. Александр Александрович, передав мне своё именное приглашение, сказал, что я человек молодой, перспективный и, что особенно важно – владею английским языком. Я онемел от счастья. Не хватало слов для благодарности за такой роскошный подарок, дающий уникальную возможность для моего научного развития.

Понятно, что скоро я оказался с красочным бланком приглашения в кабинете директора Института археологии академика В.П. Алексеева. Антрополог В.П. Алексеев, профессионально отметив «интересное» строение моего черепа, узнав суть визита, и что австралийская сторона великодушно берёт на себя все расходы, сказал просто: «поезжайте».

После одобрительного решения главы института вопрос о моём участии в Международном конгрессе по изучению наскального искусства в Австралии должны были рассмотреть на заседании научных сотрудников сектора Неолита и Бронзы Института археологии. Обсуждение на секторе прошло весьма бурно. Сообщение сделал А.А. Формозов, имевший в институте репутацию, если не открытого оппозиционера к общепринятому мнению, то весьма резкого «вольнодумца». И хотя большинство коллег были безразлично «за», некоторые были категорично «против».

Вопрос, собственно, сводился к содержанию моего будущего сообщения на Международном конгрессе в Австралии, которое у меня отсутствовало. Заведующий сектором, доктор ист. наук М.Ф. Косарев нашёл компромиссное решение, предложив предоставить мне сжатый срок для написания текста доклада в течение следующих десяти дней и назначить двух официальных оппонентов от сектора Неолита и Бронзы: А.А. Формозова и С.В. Ошибкину. Такое решение устраивало и коллег, которые поддержали предложение А.А. Формозова о моей поездке, а главное, тех нескольких сотрудников сектора, которые были против.

Надо сказать, что в то время я был дружен с удивительным человеком, Валентиной Павловной Данильченко – крупнейшим отечественным специалистом в области остеологии. Обычно мы собирались в обеденный перерыв «попить чайку» и обменяться новостями, включая разные научные темы. Сейчас уже не помню, как возникла эта традиция, но продолжалась она несколько лет, и мы всегда уважительно обращались друг к другу на «Вы». Тем для бесед за чаем было множество. Приведу один из запомнившихся примеров её рассказов. Однажды Валентина Павловна поведала мне, как она стала остеологом. Будучи 4–6 лет отроду, она подолгу проводила время в Институте палеонтологии, где работал её отец. Обычно она брала первую попавшуюся кость из ещё

не разобранной коллекции и отправлялась выяснять, какому животному эта кость могла принадлежать. Со своим вопросом она обращалась к очень занятым людям. От неё вежливо отмахивались, отправляя к кому-нибудь другому. Продолжалось это до тех пор, пока она не находила того, кто знал правильный ответ.

Как-то в запальчивости я похвастался, что якобы: «всё могу!». В ответ на это Валентина Павловна, смеясь, сказала: «Докажите! Поступите в МГУ!». И мне пришлось это сделать. Но вместо обычных шести лет я успешно закончил МГУ за четыре года. Вполне понятно, что со своими новостями о полученном приглашении для участия в конгрессе в Австралии я тоже пришёл к Валентине Павловне.

Дебаты о моей поездке проходили в конце апреля, накануне череды майских праздников, дававших возможность уехать из Москвы на несколько дней. Данильченко выслушала меня и сказала: «У вас есть четыре дня на открытие и шесть дней на подготовку текста сообщения. Деньги на поездку я вам предоставляю». Дальше всё было более чем просто. Неудержимо меня тянуло к знаменитым наскальным изображениям Центральной скалы Старой Залавруги, открытых экспедицией В.И. Равдоникаса в 1935 г. Я решил ехать сразу в Беломорск, до которого мурманский поезд из Москвы шёл более двадцати часов. Таким образом, из четырёх дней, «запланированных на научное открытие», мне оставалось только два дня.

И вот, наконец, долгожданная остановка – Беломорск. Тёмная весенняя ночь. Время 22.40. Автобус «Пазик» одиноко ждал приехавших пассажиров на пустой станции. Я первый раз тогда приехал в Беломорск и не имел ни малейшего представления о том, где находятся петроглифы Старой Залавруги. Пообщавшись в автобусе с молчаливыми местными жителями, постепенно осознал свою «сказочную» ситуацию: «пойди туда не знаю куда, найди то, не знаю что». Так и получилось.

Удача улыбнулась мне снова, поскольку удалось устроиться на первую ночь в спальном мешке на полу в квартире молодой пары в Выгострове. Утром я отправился на поиски наскальных изображений Старой Залавруги, а нашёл то, что искал благодаря Новой Залавруге. Сначала «успешно» прошёл мимо всех групп,

открытых экспедициями Ю.А. Савватеева, и только полностью пройдя Центральную Скалу Старой Залавруги, решил остановиться. На серой скальной поверхности ничего не было видно, кроме множества однонаправленных ледниковых шрамов.

Много позже я понял, что в полдень, когда солнце в зените, петроглифы становятся невидимыми. Этому «необъяснимому» явлению удивлялся ещё Равдоникас. День полностью ушёл на поиски петроглифов на Центральной Скале Старой Залавруги, а вечером, при заходе солнца, над Залавругой прошёл небольшой дождик. Это было как нельзя кстати. Серая и невыразительная поверхность гранито-гнейсов, став мокрой после дождя, неожиданно засияла бесчисленным количеством сияющих солнечных бликов.

В этот момент было самое время кричать «эврика»! Огромное силуэтное изображение одного из трёх оленей оказалось вписано в микрорельеф скальной поверхности! В частности – не просто в ледниковые шрамы, а несколько раз в один и тот же шрам! Помню, я сказал себе – нет, этого не может быть! Это не только совершенно очевидно, но и полностью исключает как полемику, так и столкновение нескольких мнений, о чём писал А.А. Формозов. Весь следующий день до отъезда в Москву я провёл в поисках и фиксации встроенности трёхметрового петроглифа № 127 (по: В.И. Равдоникас) в микрорельеф скальной поверхности.

Уникальным случаем использования единственной на Центральной Скале инварианты ромбовидного природного углубления является совпадение этого природного углубления с расположением глаза на силуэтном изображении оленя № 127. После небольшого дождя углубление заполняет вода, в которой отражается небо!

Я не заметил, как приехал в Москву, поскольку в вагоне был занят написанием текста сообщения. В результате мне удалось подготовить и передать оппонентам текст до установленного финального срока.

Моё сообщение на секторе было коротким и конкретным. Мнения обоих оппонентов были положительными. Не обошлось и без курьёза. Некоторые сотрудники сектора оказались никак не способны понять простую разницу между прямым и опосредованным восприятием. Дело закончилось общим хохотом коллег.

В целом сотрудники сектора Неолита и Бронзы Института археологии АН СССР приняли решение рекомендовать меня для поездки в Австралию с моим сообщением.

Тем не менее, поездка не состоялась, поскольку неожиданно я получил выговор в приказе от директора института за якобы «халатное отношение к своим служебным обязанностям», и моя характеристика с места работы, необходимая часть в пакете документов для зарубежной поездки, была безнадежно испорчена. В Советском Союзе надо было состоять в коммунистической партии, посещать партийные собрания, исправно платить членские взносы и вообще быть «белым и пушистым». Всё это было не для меня. Тем не менее, остановить меня на выбранном пути уже было невозможно.

Поездки в Беломорск для сбора данных стали регулярными и позволили без труда досрочно подготовить в 1990 г. диплом «Петроглифы Белого моря» на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. За год до этого я посещал в МГУ «Английский клуб» факультета иностранных языков. Обычно встречал очередного лектора в Главном здании и сопровождал до аудитории исторического факультета. Там я познакомился и сдружился с преподавателем из Англии. С его помощью дипломатической почтой за два дня моя статья о наскальных изображениях Старой Залавруги, с иллюстрациями, оказалась у Мишеля Лорбланше (Michel Lorblanchet), редактора сборника «Искусство в древнем мире» (Rock Art in the Old World) – Symposium A of the AURA Congress, Darwin, (Australia) 1988.

В сентябре 1992 г. мне пришла посылка весом в 2,5 кг. Это был роскошный сборник докладов на конгрессе в Дарвине большого формата, в твёрдой обложке, на пятистах сорока страницах. Из трёхсот статей, представленных на конгрессе, на Симпозиуме А («Наскальное искусство в Старом Свете»), Мишель Лорбланше отобрал в сборник только тридцать работ, включая мою, не озвученную статью⁴. Это было существенным вкладом в подготовку моей кандидатской диссертации. Защита её состоялась в МГУ в 2002 г., а сборник украшает один из моих книжных шкафов.

¹ *Фараджев А.А.* Петроглифы Карелии. Возможности исследования взаимосвязи со скальной поверхностью: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2002. 24 с.

² *Фараджев А.А.* Концептуальное направление в изучении наскального искусства Карелии // ВККМ. Вып. 4. Петрозаводск, 2002. С. 195–204.

³ *Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР // МИА. № 165. 254 с.

⁴ *Faradjev A.A.* Rock Art of the White Sea // Rock Art of the Old World / Symposium A of the AURA Congress, Darwin, (Australia). New Delhi, 1992. P. 429–438.